

ГЛАВА 1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Strategy of the US toward Central Asia

F.T. Kukeyeva, T. Ormysheva

Al-Farabi Kazakh national university, Almaty, Kazakhstan

E-mail: fturar@mail.ru

Abstract. Authors consider strategic cooperation of the USA and the Central Asian states in modern international relations. The article mainstreams interaction between countries in new geopolitical conditions. Authors give the basic attention to aspects of democratization, human rights and influence of globalization on education structure of the states in the region.

The newest history of world political system testifies: the countries of the world basically have made the final choice (at least, on immediate prospects) in favor of democracy. It has appeared the most successful and popular Utopia from all that have been presented and finally have failed at various stages of development of mankind. I think, similar failure to it does not threaten, in fact main principle of democracy – support of the majority, and the majority of the states this idea has already supported. So, the concept of democracy became result of a democratic choice.

About democracy it is written much. It involved antique philosophers and thinkers of later epoch, modern political scientists, politicians, journalists, sociologists are interested in her. It basically eulogizes, on the basis of studying processes and waves of democratization political theories, that is and today around of democracy rather active conceptual disputes proceed. But, perhaps, processes of democratization in the world proceed much more slowly, than discussions about them. However the support of majority we are feeling in a great way.

Historical background

Central Asia consists of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan; it borders Russia, China, the Middle East, and South Asia. By the late 19th century, Russian tsars had conquered the last independent khanates and nomadic lands of

Central Asia. By the early 1920s, Soviet power had been imposed; by 1936, five “Soviet Socialist Republics” had been created. Upon the collapse of the Soviet Union in December 1991, they gained independence [1].

After the collapse of the Soviet Union in 1991, the United States recognized the independence of all the former Central Asian republics, supported their admission into Western organizations, and elicited Turkish support to counter Iranian influence in the region. Congress was at the forefront in urging the formation of coherent U.S. policies for aiding these and other Eurasian states of the former Soviet Union.

The United States has encouraged the Central Asian states to become responsible members of the international community, supporting integrative goals through bilateral aid and through coordination with other aid donors. The stated policy goal is to discourage radical anti-democratic regimes and terrorist groups from gaining influence. All the Central Asian leaders publicly embrace Islam but display hostility toward Islamic fundamentalism [2].

So it gives to us a huge support, and the question comes by itself: For what reasons they are doing it?

The reasons

The reasons of democratic reforms from the side of USA have a global scale, because our world is correlated. On my point of view the main serious reasons is the struggle against the terrorism.

разить все сферы деятельности по поддержанию мира.

Происходило также совершенствование терминологии, аппарата толкования концепции, что должно было отражать поиск нового места НАТО в системе европейской безопасности. НАТО в качестве организации не определило для себя терминологию в области миротворчества, больше руководствуясь уже известными понятиями, определенными ООН.

При рассмотрении обширной терминологии в области исследований проблем мира, следует указать, что английские и русские термины несколько различаются. Если быть точнее, то концепция миротворчества развилась настолько активно, что появилось множество терминов в английском языке, характеризующих одни и те же понятия на русском языке.

Например, термины «поддержание мира» или «операции по поддержанию мира» эквивалентны английским выражениям «peace operations and peacekeeping». Известный термин «peacemaking» неизменно переводится как «миротворчество». В то же время термин «peacekeeping forces» используется как «миротворческие силы». Что касается термина «peacekeeping operations», то не будет ошибкой использование обоих терминов – миротворческие операции и операции по поддержанию мира. Поддержка мира также известна, как «peace support».

Некоторые специалисты пошли еще дальше и предложили отменить деление операций на военные и отличные от войны, поскольку между ними существует тесная связь и порой их трудно отличить друг от друга.

Другой характерной особенностью современных зарубежных исследований миротворчества является стремление расширить хронологические рамки осуществления миротворческих миссий в истории. Так, например, ряд экспертов политику канонерок и демонстрации флага называют миротворческими миссиями ВМС США в XIX веке. Колониальные захваты XIX – XX веков и борьба за удержание заморских территорий рассматриваются как операции по поддержанию мира, направленные на стабилизацию ситуации в различных регионах мира.

Очевидно, что миротворчество вольно или невольно смешивается с борьбой национальных государств за осуществление своих национальных

интересов, в первую очередь за источники минерального сырья и рынки сбыта. Это создает еще большую путаницу в вопросе, что называть миротворческими операциями и приводит к прямо противоположным оценкам там, где задеваются, пусть даже в историческом плане, национальные интересы государств. Зарубежные ученые большое внимание уделяли и уделяют исследованию условий успешного вмешательства в конфликты третьей стороны.

Одним из фундаментальных выводов в этом плане является то, что в целом успех вмешательства определяется геостратегическими факторами и, в частности, сочетанием национальных интересов государств. Кроме того, чтобы достичь целей вмешательства, политики должны сосредоточиваться на том, как вмешиваться, а не на том, когда или где вмешиваться. Как отмечается, смешанная стратегия, применяющая возможно большее число способов давления, является наиболее эффективной. Были проведены исследования, охватывающие большое количество конфликтов, в ходе которых происходило иностранное вмешательство.

При этом был сделан важный вывод, что вмешательство с наибольшей вероятностью может иметь успех, если оно осуществляется от имени официального правительства государства. С другой стороны, исследования конфликтов в период после второй мировой войны позволили сделать заключение, что военная усталость и тупиковая ситуация в конфликте являются важными факторами в его разрешении, поскольку они делают раннее урегулирование более привлекательным, что обуславливает успех вмешательства третьей стороны. При этом целый ряд политических, экономических и общественных факторов, которые часто изображаются как причины конфликтов, на самом деле могут слабо влиять на их исход, и стороны могут соглашаться на некий уже сложившийся статус-кво.

В настоящее время происходит трансформация не только самого миротворчества как явления, но сегодня мы наблюдаем изменение характера конфликтов, угроз, изменение подходов участников и отношений между участниками миротворческих операций, появление новых организаций и государств. Целый ряд противоречий, которые характеризуют эпоху «переходности» наиболее отчетливо проявляются в условиях конфликта. Прозрачность границ и, обусловленная ею взаимоза-

висимость, побуждают государства все активнее реагировать на события, происходящие: в других странах.

Международные операции по поддержанию мира являются важным инструментом международного сообщества по урегулированию конфликтов и урегулированию кризисов. Они могут иметь как гражданские, так и военные компоненты. После окончания «холодной войны» миротворчество становится важной частью деятельности многих международных организаций и охватывает более широкий спектр обязанностей.

Международное сообщество научилось воспринимать лишение человеческих ценностей суверенитет как незаконный. Понятие человеческих ценностей не ново – оно закреплено в Уставе ООН; новым является то, что мировой орган начал предпринимать действия во имя прав человека. Порядок в мире после холодной войны представил такие возможности, а США – лидерство.

Документ «Повестка дня для мира» Бутроса Гали захватила много новых идей [2]. Концепция превентивной дипломатии рассматривается в качестве способа предотвращения споров от разрастания в конфликты или распространения конфликтов. Миссия по выявлению обстоятельств, меры по укреплению доверия и демилитаризованные зоны рассматриваются как основа превентивных действий.

Бутрос Гали также рассматривал «превентивное развертывание» сил в качестве важной особенности превентивной дипломатии. Генсек описывал «установление мира» как задачу между превентивной дипломатией и наблюдением за порядком. Он предусматривал ряд знакомых действий, включающих миротворческие операции в соответствии с Главами VI и VII Устава ООН. Всеобъемлющий подход «Повестки дня для мира» ведет к снижению различий между традиционным миротворчеством и понятием «принуждение к миру».

Исследователь Чарльз Добби однако утверждает, что миротворчество и принуждение к миру представляют совершенно разные понятия и не могут быть смешаны. Миротворчество предполагает «операции, осуществляемые с согласия воюющих сторон в поддержку усилиям по достижению или сохранению мира с целью обеспечить безопасность и поддержать жизнь на территории потенциального или текущего конфликта». Напротив, принуждение к миру означает «операции,

осуществляемые для восстановления мира между воюющими сторонами, не все из которых согласны с интервенцией и которые могут быть вовлечены в боевые действия» [3].

Таким образом, согласие подразумевает нечто большее, чем политическое принятие миротворческих сил; ему также необходима общественная поддержка для продолжения ведения переговоров, сотрудничества, соблюдения договоренностей и укрепления доверия, как на местном, так и на центральном уровне. Конфронтация и принуждение, как например, в Сомали в июне 1993 года сводит на нет какое-либо согласие.

Ч. Добби также пересматривает концепцию беспристрастности, которая связана с концепцией согласия: «Если «согласие» нужно защищать, сохранять и развивать, то беспристрастность должна присутствовать во всех миротворческих миссиях на всех уровнях, начиная с оформления мандатов и заканчивая кодексом поведения отдельных солдат на поле боя». Давление (принуждение) угрожает беспристрастности, поскольку предполагает наличие противника и действий против одной или нескольких сторон в конфликте. Невозможно продолжать гуманитарную миссию при таких обстоятельствах или же вернуться к ней, в случае если линия для получения необходимого согласия была хоть единожды перейдена.

И, наконец, принуждение требует, чтобы войска были вооружены на несколько другом уровне, чем легко вооруженные миротворческие силы, которые традиционно развертывает ООН.

Риски в случае расширения концепции миротворчества и растущей готовности использовать силу очевидны. Крупные военные действия во имя миротворчества могут завязнуть в разногласиях, спорах и привести к провалу. В процессе может пострадать традиционное восприятие миротворчества, что серьезным образом отразится, как на готовности стран согласиться с присутствием миротворческих сил, так и на готовности стран-доноров предоставить необходимые финансовые и человеческие ресурсы чтобы начать операцию [4].

Внутри НАТО шли споры о практической пользе использования ВВС. Если Вашингтон одобрял использование ВВС, то у Великобритании были по этому поводу крупные сомнения. Беспокойство вызывал тот факт, что применение силы может поставить под угрозу войска стран-участниц НАТО, предоставленных в распоряжение ООН на суше. Как было замечено некоторыми европей-

скими наблюдателями, отсутствие американских наземных войск было значительным фактором в поддержке Вашингтона ВВС.

Применение ВВС также считалось беспорядочным и соответственно неэффективным для защиты безопасных зон. В то же время бездеятельность альянса подвергалась критике со стороны западной прессы, описывающей осаду Сараево. Американская политика на Балканах также противоречила ее принудительным действиям в Ираке [5]. Со времен саммита 5-6 июля 1990 и Заявления о «Возрождении Атлантического альянса» НАТО призывала к утверждению европейской идентичности в области безопасности. В конце 1990 года США и Великобритания предложили, чтобы НАТО могла функционировать как поставщик для ООН или СБСЕ/ОБСЕ и в речи от 27 января 1992 года Генеральный Секретарь Манфред Вернер предложил прекратить ограничительную политику «вне зоны». Франция это не приняла, но цель была достигнута в бывшей Югославии. Тогда, 3 июня 1992 года Североатлантический Совет дал право по принципу рассмотрения каждого отдельного случая проводить миротворческие операции на европейском континенте согласно процедурам НАТО в рамках СБСЕ; это было также распространено и на ООН (декабрь 1992 года) и на ЗЕС (январь 1994). Такие мотивировки эффективно разрешили проблему «выхода за границы» своих полномочий.

С 1993 года НАТО организовала курсы обучения миротворчеству, подчеркивая сотрудничество с ООН и ЗЕС, куда также могли записаться военнослужащие и государственные служащие стран-членов и бывшего Варшавского пакта. В июне 1993 года 38 членов Совета Североатлантического сотрудничества одобрили создание группы по сотрудничеству в области миротворчества и Программы во имя мира, а также предложили, чтобы члены ПРМ были ассоциированы с миротворческими операциями, если представится такой случай. Однако Генеральный Секретарь НАТО отметил, что НАТО должна сохранить «свою автономию суверенной организации: мы поддерживаем ООН, но мы не ее субподрядчики. Нам необходимо сохранить уровень доверия к альянсу».

Критика относительно миротворчества ООН основана на неправильном понимании природы конфликта периода после «холодной войны» и замешательства в отношении способов реагирования на уровень страданий гражданского на-

селения связанных с гражданской войной – доминирующей формой современного конфликта. Аргумент заключается в том, что миротворчество обеспечивает наиболее подходящий вариант для международного сообщества, если стремиться применять минимальные стандарты международного гуманитарного права и если, под воздействием гуманитарного беспокойства за человеческие страдания в конфликте стремиться облегчить их.

Рассмотрим теперь правовое положение участников миротворческих операций. В 1945 г. мировое сообщество под впечатлением тяжелых последствий и ужасов второй мировой войны пришло к выводу о необходимости избавить грядущие поколения от бедствий войны. С этой целью была создана Организация Объединенных Наций, которая получила полномочия принимать эффективные коллективные меры по предотвращению и устранению угрозы миру и подавлению актов агрессии. Тремя годами позже, в 1948 году, Совет Безопасности ООН впервые принял решение учредить миссию ООН по наблюдению за выполнением условий перемирия на Ближнем Востоке и привлечь в ее состав военный персонал из нескольких стран мира.

Так возникла новая форма международного военно-политического сотрудничества, получившая обобщенное название «миротворчество». Уникальность такого вида применения вооруженных сил точно подметил бывший Генеральный секретарь ООН Даг Хаммершельд, который подчеркивал, что «миротворчество – несвойственная задача для военных, но только военные могут с ней справиться». С той поры миротворческие операции приобрели значительно более широкий размах, стали более многочисленными и включают более разнообразные виды деятельности. Всего к 2010 г. было проведено более 40 различных международных миротворческих операций.

Правовой статус военнослужащих из состава миротворческого контингента определяется конкретным типом проводимой операции и масштабом санкционированного применения штатного оружия. Несмотря на все многообразие и специфику каждой отдельной миротворческой операции, их можно условно разделить на два типа.

К первому типу относятся операции по поддержанию мира. Миротворческие войска с согласия сторон в конфликте временно вводятся в зону конфликта, имея задачу сдерживать вооруженную борьбу, не допускать возобновления военных

действий и восстанавливать мир и безопасность (примером может служить миротворческая операция ООН на Кипре, миротворческая операция по мандату СНГ в Таджикистане и т.п.). Беспристрастные воинские контингенты имеют только легкое оружие, которое разрешается применять исключительно для самообороны. Они не являются стороной в конфликте и, соответственно, формально не имеют противников.

Миротворцы не должны подвергаться нападению со стороны участников конфликта. Тем не менее при необходимости применить силу для самообороны или в случае «усиления» мандата воины-миротворцы должны действовать в строгом соответствии с нормами МПП, исходя из международно-правовых обязательств своего государства.

Второй тип миротворческих операций – это операции по принуждению к миру. Они предусмотрены Уставом ООН (Глава VII). Участвующие в них силы могут действовать под командованием ООН или отдельных государств, групп государств, региональных организаций, уполномоченных Советом Безопасности ООН. В этом случае воинским контингентам ставятся конкретные боевые задачи – и они имеют право применять силу в интересах выполнения своего мандата. В операциях такого типа нормы МПП применимы в полном объеме.

Однако события последних лет свидетельствуют о том, что различие между этими двумя типами операций часто оказывается менее четким. Так операции по поддержанию мира в ходе развития конфликта могут трансформироваться в операции по принуждению к миру (операция ООН в Сомали в 1992 году); иногда сочетаются особенности действий, свойственные операциям как одного, так и другого типа (операция ООН в бывшей Югославии); в третьем случае традиционные действия по поддержанию мира, проводимые с согласия всех заинтересованных сторон, осуществлялись параллельно с временными силовыми операциями под руководством отдельных государств (совместные операции в Руанде и на Гаити).

В этих условиях крайне важно тщательно готовить национальные воинские контингенты к участию в миротворческих операциях, в том числе обучать военнослужащих нормам МПП.

В 1990-е гг. и Организация Объединенных Наций, и концепция миротворческих операций прошли серьезное испытание в условиях станов-

ления новой конфигурации системы международных отношений. К началу нового века ООН имела не только «положительный багаж» миротворческой деятельности, но и негативный опыт. Однако большинство государств признает, что и в начале XXI века ключом к решению многих проблем современности является активное использование многосторонних механизмов, разработанных ООН, в том числе и в области поддержания мира.

В ходе работы Саммита тысячелетия ООН, на котором делегации из 185 стран подвели итоги более чем полувековой истории работы Организации, уделялось особое внимание необходимости укрепления миротворческого потенциала. Это нашло отражение, прежде всего, в работе состоявшегося 7 сентября 2000 г. заседания Совета Безопасности ООН на уровне глав государств, а также подготовленном к саммиту группой экспертов под руководством Л. Брахими специальном докладе по проблемам миротворчества. Один из основополагающих выводов доклада заключался в том, что необходимо соблюдать принципы Устава ООН: согласия сторон конфликта, беспристрастности и использования силы только для самообороны в ходе проведения миротворческих операций [6].

Совет Безопасности в итоговом документе призвал к укреплению сотрудничества и связей между государствами в связи с операциями ООН и к повышению эффективности ООН в деле поддержания мира и безопасности [7].

На Саммите тысячелетия мировым лидерам был представлен доклад Генерального секретаря ООН К. Аннана «Мы, народы: роль ООН в XXI веке», в котором он обратился с предложением к государствам сотрудничать с ООН в деле преодоления нужды и конфликтов. Он отметил, что миротворчество прошло длительную эволюцию [8].

В докладе было отмечено, что в период «холодной войны» сложилось первое «поколение» миротворческих операций, в начале – середине 1990-х гг. – второе. В современных международных отношениях в результате изменения характера международных конфликтов формируется новая концепция безопасности, которая ориентируется на защиту всего населения и конкретных людей от насилия, а не на защиту государства от внешнего нападения. Генеральный секретарь ООН подчеркнул значение миротворческих операций, особенность которых на современном этапе состоит в том, что их целью является не разъединение конфликтующих сторон, а оказа-

ние помощи в разрешение конфликта политическими средствами.

Он отметил, что ООН потерпела неудачу в ходе проведения ряда операций, и лишь сами государства-члены могут устранить слабость миротворческих операций. Однако в ходе саммита было однозначно заявлено, что эффективное международное миротворчество под эгидой ООН является ключевым фактором обеспечения стратегической стабильности в мире. Это утверждение не потеряло своей актуальности и в связи с появлением новой угрозы – международным терроризмом.

Работа 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН показала, что в условиях новых вызовов и угроз необходимо повышать эффективность миротворчества, поскольку с ним напрямую связан авторитет ООН, ее влияние в мире. Региональные конфликты в различных частях планеты являются питательной средой для международного терроризма. Именно поэтому возрастает значение укрепления организационных и правовых рамок миротворческой деятельности ООН.

Несмотря на кризисные явления, которые с особой остротой проявились, в частности, в односторонней акции НАТО в Косово и действиях США в Ираке в обход институтов ООН, большинство государств признает необходимость сохранения ООН как организации, ответственной за поддержание мира.

В то время как региональные организации обладают преимуществом более близкого знакомства с местными условиями и имеют особые привилегии в отношениях с местной властью, они также могут подчиняться региональным гегемонам, что может негативно отражаться на усилиях по укреплению потенциала и местной собственности [9].

В это же время возникают дискуссии о правомерности «гуманитарного вмешательства». Именно этот вопрос является одним из основных в мировой политике. Аналитики и политики дискутируют о правомерности, содержании и применении гуманитарных операций в контексте формирующегося миропорядка.

Эта проблема относится к разряду острых и теоретически противоречивых дилемм современности, не имеющих однозначного решения. Проблематика вмешательства по гуманитарным соображениям привлекает к себе внимание на протяжении длительного времени, однако наибольший интерес к ней проявился после «гуманитарной

интервенции» НАТО в Союзной Республике Югославии.

Вооруженные конфликты в Европе и за ее пределами в 1990-е гг. способствовали разработке НАТО планов своего участия в миротворческих действиях. Таким образом, новые задачи требовали более совершенного механизма принятия решений, более гибкой структуры командования вооруженных сил.

В связи с этим вопрос правомерности и масштабов гуманитарной интервенции является предметом дискуссий о схожести и различиях. С одной стороны, рассматриваются различия между суверенным равенством государств, территориальной целостностью, политической независимостью и запрещением использования силы, что рассматривается в качестве фундаментальных принципов существующего мирового порядка и международной правовой системы.

С другой стороны – между обязательствами и требованиями, налагаемыми международным правом с целью защиты фундаментальных прав человека в ситуациях чрезвычайных и постоянных нарушений данных прав. Как видим, здесь затрагиваются вопросы мира и безопасности в международном масштабе.

Целый ряд факторов лежат в основе возникновения новой миротворческой концепции и практики. К числу таких факторов относятся вопросы связанные с правами человека, миротворческой деятельностью, урегулированием конфликтов, эффективностью существующей международно-правовой системы и формированием обновленного международного права. В настоящее время неисполнение государствами своих обязательств, обеспечивающих мировые стандарты в области защиты прав человека, возникновение острых гуманитарных катастроф на почве массовых и грубых их нарушений является достаточно сильным фактором давления и, соответственно, весомым поводом для вмешательства во внутренние дела государств.

Отсюда вытекает вопрос о правовой обоснованности «гуманитарного вмешательства». Современный международный порядок продолжает основываться на принципах суверенитета, невмешательства, неприменения силы или угрозы силой, мирного урегулирования международных споров, суверенного равенства государств, являющихся общеобязательными к исполнению.

В то время как «гуманитарное вмешательство» строится на примате прав человека над су-

веренитетом и территориальной целостностью и предполагает, что их нарушения не могут быть внутренним делом государства. Кроме того, «гуманитарное вмешательство» по определению подразумевает применение вооруженной силы и, как правило, в настоящее время это реализуется без соответствующей санкции СБ ООН.

Так, коллизия между вытекающими из Устава ООН основополагающими принципами, с одной стороны, и новая обстановка в области безопасности, включающая, в частности, внутригосударственные конфликты, с другой, демонстрируют отсутствие консенсуса по вопросу правомерности «гуманитарного вмешательства». Это еще более актуально в связи с необходимостью согласования существующих международно-правовых норм в области использования мер принуждения в ситуациях нарушений прав человека.

Слабая разработанность силового механизма миротворчества также является фактором противоречивости гуманитарного вмешательства. Достаточно двойственные результаты проведенных «гуманитарных интервенций» предопределили необходимость разработки процедурно-функциональных аспектов силовых миротворческих акций.

Острая дискуссия ведется вокруг вопроса о том, когда, в каких ситуациях и при каких условиях правомерно задействовать военную силу для защиты прав человека. Объектом противоречий являются вопросы, связанные с механизмом проведения «гуманитарного вмешательства», статусом и полномочиями вмешивающихся сторон, их целями и инструментарием. Иными словами, предстоит выработать объективное представление о гуманитарных катастрофах, определить законную основу, критерии и принципы силовых «гуманитарных вмешательств», а также обозначить перспективы и последствия их дальнейшего использования.

При рассмотрении миротворчества НАТО анализируются имеющиеся подходы к рассмотрению этой сферы деятельности альянса, аргументация сторонников и противников, механизмы и процедуры проведения данных операций. Особое внимание уделяется анализу международной миротворческой деятельности с параллельным рассмотрением исторической эволюции концепции и практики «гуманитарного вмешательства»; исследованию опыта проведения «гуманитарной

интервенции» в Косово; теоретическому анализу концепции миротворчества, международно-правовым, политическим и нравственно-этическим аспектам; определению предпосылок, принципов и механизмов проведения миротворческих операций; оценке перспектив и последствий международно-правового оформления концепции миротворчества.

Данная проблема носит комплексный характер и представляет интерес как для политической науки в целом, так и для отдельных ее отраслей, в частности, мировой политики, политологии и теории международных отношений, конфликтологии и теории управления кризисными ситуациями, внешней политики и дипломатии. Миротворчество НАТО затрагивает не только политические аспекты, но и область права, а также проблемы военной науки.

Концепция миротворчества НАТО анализируется в нескольких измерениях: как кризисное реагирование на национально-этнические конфликты; проявление новых тенденций в международно-правовой системе; отражение многонационального военно-политического сотрудничества и баланса интересов ведущих государств.

Таким образом, концепция миротворческих операций, возникших в середине XX в., сохраняет свою актуальность и в новом тысячелетии. Среди аналитиков идет концептуальная дискуссия. Эксперты сходятся в том, что принципы по поддержанию мира – не применение силы, согласие воюющих сторон на присутствие миротворческих сил, временный характер этого присутствия.

В Боснии Организация Объединенных Наций нарушила все эти принципы, балансируя между различными формами действия по поддержанию мира, и проявляла неуверенность в выборе предпринимаемых мер. Что касается НАТО, то с точки зрения эволюции миротворческой деятельности косовская акция стала кульминационным моментом в развитии современных взглядов на теорию и практику урегулирования конфликтов. Многие аналитики называют ее рубежной вехой в трансформации международно-правовой системы и структуры безопасности.

Таким образом, операции по поддержанию мира требуют от мандата ООН или ОБСЕ. Международные операции по поддержанию мира стали частью деятельности направленной на разрешение международных конфликтов и урегулирование кризисов.

Литература

1. Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. // Международное право в документах. – 3-е изд. – М., 2000. – Гл. VIII, ст. 52
1. Бутрос Бутрос Гали. Повестка дня для мира, 1992. Параграф 21 // Официальный сайт ООН: <http://www.un.org/russian/document>
3. Цит. по: Chetail V. Post-conflict peace building a lexicon. – Oxford University Press, 2009. – P.122
4. Цит. по: Dimaggio Paul J. The New Institutionalism in Organizational Analysis. – Chicago, 1991. – P.120
5. Woodhouse T., Bruce R., and Dando M. Peace-keeping and peacemaking: towards effective intervention in post-Cold War conflicts. – Basingstoke: Macmillan, 1998. – P. 186.
6. Документ ООН. A/55/305 (2000) // Официальный сайт ООН: <http://www.un.org/russian/document>
7. Там же
8. Мы, народы: роль ООН в XXI веке. Доклад Генерального секретаря ООН. Документ ООН. A/54/2000, параграф 362 // <http://www.un.org/russian/document>
9. Chetail V. Post-conflict peace building a lexicon. – Oxford University Press, 2009. – P.11.

К.И. Байзакова, Ж.А. Абдуллаев

Бітімгершілік мағынасын анықтаудың эволюциясы

Аталған мақала бітімгершілік түсінігіне байланысты дамыған эволюцияға арналған. Басында бітімгершілік БҰҰ Қауіпсіздік Кеңесінің рұқсатымен асырылған операцияларды білдірді. Қазіргі кезде, бітімгершілік түсінігінің трансформациясы өтіп жатыр. Мақалада, сондай-ақ қақтығыстар сипаты мен қатерлер өзгергенде бітімгершілік операциялар қатысушылары арасындағы қарым-қатынастар қандай түрде өзгереді деген мәселелер қарастырылған.

K.I. Baizakova, Zh. Abdullayev

The evolution of approaches towards the definition of peacekeeping

Given article is dedicated to the research of the approach evolution towards the definition of the term “peacekeeping”. Initially, “peacekeeping” denoted the operations, sanctioned by UN Security Council and implemented by UN multi-national forces. Today, “peacekeeping” as a term is in the process of transformation. It also focuses upon the way how the change of the conflict nature and threats entails the change in approach of the parties involved, including those of peacekeeping operations.